

О. Рубинчик
Санкт-Петербург

Телеграммы Анны Ахматовой из архива Рыбаковых¹

В домашнем архиве Рыбаковых сохранились копии ахматовских телеграмм, адресованных не этой семье, а другим друзьям и знакомым Ахматовой. Это фотокопии шести черновых текстов, а также фотокопия одной телеграммы на бланке. Оригиналы переданы О. И. Рыбаковой в РГАЛИ.² Материалы эти до сих пор не публиковались.

Черновики телеграмм представляют собой автографы Ахматовой, однотипно и тщательно оформленные на небольших листах бумаги. Подобная забота об эстетике автографа была характерна для Ахматовой: она видна во многих ее дарственных надписях, записках, открытках, беловых рукописях произведений. В данном же случае Ахматова понимала, что черновики останутся в коллекции Рыбаковых, бережно хранивших каждый ее автограф.

Как телеграммы оказались в рыбаковском архиве? Что касается черновиков, то стоит согласиться с предположением Ж. Б. Рыбаковой, что Ахматова поручила Ольге Иосифовне послать телеграммы: «У Анны Андреевны всегда были порученцы, бытовые дела она сама не делала. И это очень обсуждалось, например, в доме у Софьи Казимировны.³ Был случай, когда нужно было что-то отвезти. Мама была больна, я не могла – и послали мою подругу.⁴ Если Анне Андреевне было что-то надо, а я пойти не могла, мои подружки с удальством ходили».

Автографы не имеют дат. Оформление и содержание их позволяет думать, что все шесть телеграмм были посланы одновременно, и дает возможность приблизительно их датировать. Приведу тексты.

Ташкент
Хорошинская, 19.
Козловским.

Благодарю письмо. Всегда помню, скучаю.
Ваша Ахматова.

От Ахматовой. Фонтанка 34, кв. 44.

Ташкент.
Пушкинская. Наркомпрос.
Журавской.

Скучаю по Ташкенту. Вижу его во сне. Спасибо за память. Когда выйдет книга – пришлю.

Целую.
Ваша Ахматова.

От Ахматовой. Фонтанка 34, кв. 44.

Ташкент
Гоголевская. Красный.
Анне Ивановне Ломакиной

Благодарю новогоднее поздравление.
Радуюсь, что помните.
Целую Вас.

Ваша Ахматова.

От Ахматовой. Фонтанка 34, кв. 44.

Ташкент.
Правда Востока.
Специальному корреспонденту Известий
Браганцевой.

Благодарю дорогую Ленушку за поздравления, пожелания, письмо.
Напишите еще. Целую.

Ваша Ахматова.

От Ахматовой. Фонтанка 34, кв. 44.

Ташкент.
Ул. Жуковского, 54
Надежде Яковлевне Мандельштам.

Благодарю поздравление, умоляю не сердиться. Всегда помню, люблю.
Обнимаю.

Ваша Анна.

От А. А. Ахматовой. Фонтанка 34, кв. 44.

Москва.
Большая Ордынка 25, кв. 13.
Ольшевской.

Сообщите адрес Рины Зеленой.
Обнимаю Вас, детей.
Поцелуйте Ардова.

Ваша Ахматова.

От Ахматовой. Фонтанка 34, кв. 44.

Почти все телеграммы были отправлены в ответ на поздравления. Из телеграммы к Ломакиной следует, что поздравления – новогодние. Но сама Ахматова никого не поздравляет. Можно предположить, что Ахматова ответила друзьям уже после праздника, в первых числах нового года. Пять телеграмм прямо, а шестая (московская) косвенно связаны с Ташкентом, воспоминания о котором еще свежи. Обещание, данное Софье Журавской: «Когда выйдет книга – пришлю», – говорит о том, что телеграммы посланы до ждановского постановления августа 1946 года. В декабре 1944 / январе 1945 года до выхода новых книг было еще далеко. А вот 30 ноября 1945 года датирована верстка сборника «Стихотворения Анны Ахматовой. 1909–1945». ⁵ Верстка должна была означать выход книги в обозримом будущем. ⁶ Так что черновики телеграмм можно датировать началом января 1946 года.

Об адресатах и содержании черновиков телеграмм.

Козловские, муж и жена, в 1936 году приехали в Ташкент из Москвы в ссылку и прожили здесь всю оставшуюся жизнь. Алексей

Федорович Козловский (1905–1977) – композитор, дирижер, педагог, народный артист Узбекской ССР.⁷ Галина Лонгиновна Козловская (урожд. Герус, 1906–1991) – автор либретто к операм мужа (самая знаменитая – «Улугбек»), мемуаристка; писала стихи и прозу, пела, лепила. Оставила воспоминания о своей жизни, о муже, об Ахматовой и др. Мемуары, наряду с письмами Козловской нескольким адресатам, после ее смерти были объединены в книгу «Шахерезада. Тысяча и одно воспоминание».⁸ Галина Лонгиновна приложила множество усилий для сохранения и исполнения музыки Козловского.⁹ Из ее письма Е. Б. Пастернаку: «...надо мне вырвать музыку Алексея из той удавки, которой и посмертно душит его наша эпоха. Я никогда не говорила с тобой о трагической судьбе Алексея как художника. Он пронес ее через жизнь мужественно и достойно, ничем не поступившись, не изменив себе ни в чем. <...> ему все время вменялось в вину его дворянство, и сама его природная композиторская маэстрия считалась проявлением и доказательством его классовой чуждости. Так и пошло, и тыкали, и заушали, в классических традициях времени. Затем ссылка и существование репрессированного на дальней стороне <...> Но это лишь внешнее, бытийное, преодоленное.

Он был ослепительно одарен в музыке. Его композиторство и дирижирование пришли к нему Божьим даром <...> Вырванный из своей среды и отторгнутый от своего народа, познавший всю горечь и унижения тех лет, он <...> создал свою жизнь и свой мир в музыке, сотворив свой неповторимый Восток <...> Он сделал нечто сродни тому, что Глинка сделал для Испании, открыв Европе и самой Испании музыкальный гений Иберии. Алексеем переброшен мост от Запада к Востоку и от Востока к Западу...».¹⁰

Ахматова познакомилась с Козловскими в 1941 году, вскоре после своего приезда в Ташкент: с Галиной Лонгиновной – в ноябре, с Алексеем Федоровичем – 31 декабря.¹¹ «В первый раз Анна Андреевна переступила порог нашего дома на Хорошинской в новогодний вечер, чтобы вместе с нами встретить свой первый в Ташкенте Новый год. <...> С того дня она стала приходить к нам, то каждый день, то через день или дня через три, и всякий раз приносила написанное накануне».¹²

Увидев фотографию Галины Лонгиновны в саду, в восточном наряде и с кувшином у ног, Ахматова посвятила ей стихотворение «За-

снуть огорченной...» (апрель 1942), где есть строки: «Шахерезада / Идет из сада... / Так вот ты какой, Восток!». Стихотворение вошло в цикл «Луна в зените», в который включены также стихи, посвященные Козловскому («Явление луны», 25 сентября 1944) и связанные с ними обоими («Как в трапезной – скамейки, стол, окно...», 1943). С Козловскими связано также стихотворение «А в книгах я последнюю страницу...» (25 ноября 1943).¹³ Козловскому (и Ю. Чапскому) адресовано «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...» (1 декабря 1959). Алексей Федорович, писавший, но не печатавший стихи, в свою очередь создал сонет «Анне Ахматовой. Посвящение» (1943).¹⁴ «За глаза Анна Андреевна иногда меня называла “моя Шахерезада”, а мужа – “Козликом”, как звали его друзья. Надежда Яковлевна Мандельштам рассказывала: “Она не раз говорила: “Наш Козлик – существо божественного происхождения”». ¹⁵ Все это было в период, для Козловских очень трудный, когда они были близки к дистрофии: Алексей Федорович занимал в то время должность председателя Союза композиторов, принял на себя «две волны эвакуации музыкантов Москвы и Ленинграда», помогал множеству беженцев, но работу ему никак не оплачивали.¹⁶

«С первых же дней знакомства у Анны Андреевны и Алексея Федоровича возникли дружеские отношения, полные особого понимания с полуслова. <...> Большую роль в общении Ахматовой и Козловского играла музыка. Она почти каждый раз просила его играть то или иное произведение <...> Долгие провожания Анны Андреевны домой с Хорошинской улицы на Жуковскую. Это было довольно далеко <...> Разговоры под ночным азиатским небом были наполнены особым очарованием <...> Мой муж водил гулять Ахматову и днем, и чаще всего в Старый город».¹⁷

«Околдованность “Поэмой без героя” вылилась у Алексея Федоровича в музыкальное произведение, названное им “Пролог”.¹⁸ Он просил меня спеть эту музыку Анне Андреевне. Я невероятно волновалась и робела. <...> Но я постепенно впелась, перестала трусить, и Анна Андреевна стала приводить разных своих друзей слушать “Пролог”. Когда же позднее Алексей Федорович написал два романса – “Иву” и “Царскосельскую статую”, я пела и тот и другой упоенно и радовалась, что Анна Андреевна любила слушать их».¹⁹

Когда Козловский получил весть о смерти Ахматовой, он на-

писал (в ночь с 5 на 6 марта 1966 года) музыкальное «Элегическое приношение» ее памяти.²⁰

В домашнем архиве Козловских хранились многие ахматовские реликвии: «Поэма без Героя» 1946 и 1963 годов (оба экземпляра – авторизованная машинопись), ее стихи (автографы и авторизованная машинопись), сборник «Бег времени» с дарственной надписью («Далеким друзьям, храня им вечную верность. Ахматова. 15 октября 1965 г. Москва»)²¹, фотографии с надписями и др. Хранились также две открытки Ахматовой, письмо 1965 года, пять телеграмм и ее записка Козловскому.²²

Традиция взаимных новогодних поздравлений была для них особенно значимой, потому что за военное время Анна Андреевна и Козловские привыкли встречать Новый год вместе. Галина Лонгиновна пишет о периоде после отъезда Ахматовой:

«Долгой была наша осиротелость. Мы особенно тосковали в первый новогодний вечер без нее. Но она все-таки пришла к нам таинственно и чудесно, словно чуя нашу тоску. За четверть часа до Нового года я нашла на полу прихожей белый листок. Это была открытка от Анны Андреевны, и начиналась она стихами:

А.К.

Из перламутра и агата,
Из задымленного стекла,
Так неожиданно покато
И так торжественно плыла, –
Как будто “Лунная соната”
Нам сразу путь пересекла.

Поздравляю с Новым годом и желаю вам много радости. Эти стихи ташкентские, хотя написаны в Ленинграде. Посылаю их на их Родину. Жду вестей.

Не забывайте
вашу Ахматову.
15 декабря 1944 г.»²³

А в следующий Новый год Козловским была послана та телеграмма, черновик которой хранился у Рыбаковых.

Журавская Софья Аркадьевна (1908–1974) – жена Георгия Ивановича Зайко (1904–1979), в 1940–1950-е годы секретаря Ташкентского обкома партии; педагог, инспектор Наркомата просвещения Узбекистана, в годы войны работала в Комиссии помощи эвакуированным детям.²⁴

О деятельности комиссии вспоминает Вяч. Вс. Иванов, находившийся в ташкентской эвакуации с отцом, писателем Вс. Вяч. Ивановым, и матерью Т. В. Кашириной-Ивановой, переводчицей, бывшей актрисой: «Мама старалась хоть чем-то помочь, работала вместе с Лидией Корнеевной Чуковской в Комиссии помощи эвакуированным детям – ее создала при Наркомпросе Екатерина Павловна Пешкова, которая тоже оказалась в Ташкенте. Они ездили по детским домам, следили за столовыми, за складами питания, где просто разрывалось все, что выделялось для детей, в том числе вывезенных из блокадного Ленинграда, и они просто погибали».²⁵

Ахматова познакомилась с Журавской в Ташкенте, скорее всего, еще в 1941 году. Ташкентский литератор К. М. Курносенков пишет: «Анна Ахматова активно участвовала в устройстве и обслуживании эвакуированных детей. И эта совместная работа сблизила Журавскую и Ахматову. Поэтесса бывала у своих друзей на Первомайской, 58».²⁶ Ахматова выступала на вечерах, которые организовывались комиссией. Об одном из них, нетипичном, вспоминает поэтесса С. А. Сомова: «А дамы, вероятно, по выдумке А. Толстого, решили устроить костюмированный вечер, платный, в пользу эвакуированных детей. В этом принимали участие Е. Пешкова, жены А. Толстого, Всеволода Иванова, ташкентских руководителей. Вечер был блестящим. Особенно хороши были Алексей Толстой и великолепный артист Еврейского театра Михозлс, они изображали, очень комично, подвыпивших плотников; Ахматова тоже выступала. Я беспокоилась, в чем она покажется в столь избранном обществе, но ее одели какие-то добрые женщины, – она была в роскошном синем платье, в мехах и в жемчугах, все с чужого плеча, так что и тут была некая театрализованность».²⁷ Среди жен ташкентских руководителей наверняка была и Журавская.

На подаренном Журавской ташкентском сборнике «Избранного» 30 июня 1943 года Ахматова написала: «Милой и доброй С. А. Журавской в знак нежнейшей дружбы».²⁸ В инскрипте названы те ка-

чества, которые Ахматова ценила в своей новой подруге. Известно, например, что Журавская принимала близкое участие в хлопотах Н. Я. Мандельштам о получении ею в Ташкенте диплома о высшем образовании.²⁹ Анна Андреевна не раз обращалась к Журавской с просьбами.³⁰ Так, уже покинув Ташкент, 15 июня 1945 года она отправляет ей следующее письмо:

«Дорогая Софья Аркадьевна, может быть, я забыла ваш адрес и мои телеграммы и открытки до вас не дошли, а может быть, вы не любите писать письма. Во всяком случае, поздравляю вас с нашей общей радостью – Победой.

Поздравляю вас, всю вашу семью, Анну Ивановну³¹ и всех моих ташкентских друзей. Мой сын Лева в Берлине, он даже не был ранен.

Мне стыдно вас затруднять, но я помню, какая вы добрая. Дело вот в чем: мне до сих пор не перевели пенсию из Ташкента. Позвоните в Центральную сберкассу и поторопите высылку дела.

Целую вас. Хочу в Ташкент.

Ваша Ахматова».³²

А 2 августа 1945 года она сообщает Н. Я. Мандельштам: «От Софьи Аркадьевны, которой я иногда пишу, – никогда ни слова».³³

Видимо, из-за того, что письма доходили плохо, новогоднюю телеграмму Ахматова послала на адрес Наркомпроса. Фраза из нее: «Спасибо за память», – говорит о том, что какую-то корреспонденцию от Журавской Ахматова все-таки получала.

Шесть писем и четыре телеграммы Ахматовой к Журавской, а также «Избранное» 1943 года с автографом и авторизованная машинопись «Поэмы без героя» (1943) в 1991 году были переданы в Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме дочерью Софьи Аркадьевны – Н. Г. Зайко.

Наталья Георгиевна Зайко – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института искусствознания имени Хамзы. А. В. Маркевич, директор ташкентского Клуба-музея «Мангалочий дворик Анны Ахматовой», пишет о Наталье Георгиевне: «Ее мать, Софья Аркадьевна Журавская, близко знала Анну Андреевну Ахматову. А маленькую Наташу Анна Андреевна называла “моя куколка” и водила в сквер на прогулки. Наталья Георгиевна сохранила память об этом. Во время одной из таких прогулок Анна Андреевна крепко сжала ручку пятилетней девочки и сказала: “Смотри, как прекрасны

ташкентские тополя! Запомни: таких – нигде в мире нет!” Рассказывая об этом, Наталья Георгиевна протянула мне руку и взволнованно сказала: “Представляете, до сих пор моя левая рука помнит это крепкое пожатие!”».³⁴

В Фонтанный Дом Н. Г. Зайко передала также телеграмму Ахматовой, посланную в 1944 году лично ей; свое письмо (1944), письмо своего брата Виталия Георгиевича Зайко (1944) и письмо матери к Ахматовой (22 декабря 1944 года). Копии ахматовских материалов из домашнего архива семьи Зайко Наталия Георгиевна подарила ташкентскому Клубу-музею.

Анна Ивановна Ломакина – жена Николая Андреевича Ломакина (1913–1975), в 1941–1949 годах второго секретаря ЦК Компартии Узбекистана (впоследствии был понижен: переведен на педагогическую и редакторскую работу),³⁵ как и Журавская, состояла в Комиссии помощи эвакуированным детям.

Что представляли собой Ломакины и та ситуация, в которой они оказались в Ташкенте, выразительно описывает в своих мемуарах Е. Ф. Пуриц: «Первым секретарем был узбек (так полагалось), но второй секретарь, русский, – “око государево” по возможностям и власти, конечно, делил с первым первое и второе места в республике. Ломакин был молодым человеком, лет около тридцати. Еще в институте он, по-видимому, стал заниматься партийными делами, а когда в 37-м году порасстреляли партийное начальство, он сделал головокружительную партийную карьеру. Самого Ломакина я никогда не видела: как лицо, находящееся под особой охраной, он не мог, если бы даже захотел, общаться с такими непроверенными людьми, как я. Но его жену Анну Ивановну я обучала немецкому языку, близко с ней познакомилась, она ходила ко мне в гости, я бывала у нее.

И я решила во время ближайшей встречи с Анной Ивановной попросить ее устроить, чтобы Ломакин принял людей из Наркомпроса, которые хотели сообщить ему, что делается в детских домах.

Однако А. И. предупредила меня, она рассказала, что недавно она и ее приемная дочь Аня, девочка, эвакуированная из Белоруссии, узнали, что младшая сестра Ани приехала с каким-то эшелонном и теперь уже довольно давно находится в одном из детских домов Ташкента. А. И. и Аня разыскали Анину сестру. В холодной комнате эта

девочка сидела босиком на кровати. Вид у нее был страшно изнуренный, истощенный и запуганный. Она не удивилась и не обрадовалась при виде Ани, а только спросила: “Мама умерла?”. “Да”, – ответила Аня. “Я так и думала”, – сказала девочка и больше не произнесла ни слова. Рассказывая об этом, А. И. плакала. Я спросила: “Неужели никто не может ничем помочь этим несчастным детям?”. “Нет, – сказала А. И. – У нас тут нет власти. Против воровства мы ничего не можем поделаться. Нет власти!” И я поняла, что добиваться приема у Николая Андреевича не имеет смысла.

<...> Ломакины жили в небольшом особняке на одной из лучших улиц Ташкента. Дом был в глубине двора, в воротах дежурил милиционер. Делать милиционеру было нечего, и, чтобы как-то занять себя, он часто нянчил маленькую девочку – младшую дочку Ломакиных.

<...> Никакой обслуги, никаких антикварных вещей и картин. Дом был обставлен обычной скучной древтрестовской мебелью <...> на всех вещах, – всех без исключения, были инвентарные номера. У хозяев дома ничего своего не было. При малейшем непослушании, при малейшем недовольстве московского начальства они сразу лишались всего. Продуманная безотказная система, творцом ее был, наверное, сам Организатор всех наших побед». ³⁶

По словам Чуковской, Ломакина познакомилась с Ахматовой в Дурмени и к ней благоволила. ³⁷ Дурмень – дачное место недалеко от Ташкента, где Ахматова с 19 августа по начало сентября 1942 года лечилась в санатории (было подозрение на брюшной тиф).

Ломакин познакомился с Ахматовой раньше. Она была в бедственном положении, между тем слава ее достигла своего апогея: 8 марта 1942 года в газете «Правда» было опубликовано стихотворение «Мужество». А. А. Жданов, в честь которого «в народе» постановление 1946 года назовут ждановским, по утверждению автора книги о нем, «поучаствовал в военной судьбе <...> поэтессы – в 1942 году звонил секретарю ЦК КП(б) Узбекистана Николаю Ломакину с просьбой позаботиться о ней. Это подтверждается и свидетелями, весьма негативно настроенными в отношении нашего героя. В частности, Надежда Мандельштам, соседка Ахматовой по ташкентской эвакуации, пишет в мемуарах: “В Ташкент по правительственному проводу звонил сам Жданов (!) и просил позаботиться об Ахмато-

вой”. 29-летний Николай Ломакин, самый молодой из секретарей ЦК республики, замотанный размещением эвакуированных производств, все же помог устроить быт поэтессы, насколько это было возможно в тех условиях, а в 1943 году – даже издать в Ташкенте сборник ее стихов». ³⁸

Чуковская записала: 13 мая за Ахматовой «прислали машину из ЦК, и там спрашивали о ее здоровье, книге, пайке и пр.»; «Тов. Ломакин спросил, как она чувствует себя в Ташкенте.

– Меня в Ташкенте никто не обидел, – сказала она.

– Этого мало, – заметил Ломакин.

Затем он спросил ее о быте и она, конечно, как ей и надлежит, ответила, что живет отлично и ей ничего не надо. Чудовище! У нее никакого пайка, чердак вместо комнаты». ³⁹ 15 мая К. И. Чуковский по просьбе Лидии Корнеевны написал письмо Ломакину «об истинных нуждах» Ахматовой: «паек, обеды, поликлиники», и Лидия Корнеевна отнесла это письмо в ЦК. 20 мая она отметила: «...я подала папино письмо в ЦК в воскресенье утром, а во вторник <Ахматовой> прислали пропуск в распределитель ЦК и талон на обеды в Дом академиков (откуда ее открепили)». ⁴⁰

А. П. Сухомлинова вспоминает, как Ахматова однажды помогла ей, обратившись к Ломакину. Сухомлинова была в отчаянии, когда в 1943 году не обнаружила себя в списках отъезжающих из Ташкента в Москву: «Не знаю, каким образом о случившемся узнала Анна Андреевна. Через несколько дней она попросила меня проводить ее вечером в гости. Пройдя несколько кварталов, мы подошли к дому с высокой оградой, и Анна Андреевна попрощалась со мной. Только утром я узнала, что она была у второго секретаря ЦК Компартии Узбекистана Ломакина. В ее честь был зажарен барашек. Хозяева дома любили поэзию Анны Андреевны, и она охотно читала им свои стихи. В беседе с ними Анна Андреевна сказала, что институты Академии наук возвращаются в Москву, уже пришел эшелон, но одну девушку по ошибке не включили в списки, и на нее не пришел пропуск. Ломакин отнесся очень сочувственно и обещал помочь. “Он просил вас пойти за пропуском по этому адресу”, – сказала Анна Андреевна и протянула мне записку. На следующий день я получила пропуск в Москву. Меня поразила щедрость души Анны Андреевны, ведь я ее ни о чем не просила!» ⁴¹

Ср. запись от 15 июля 1943 года в ташкентском дневнике Г. С. Эфрона: «Пошел к Ахматовой – “сейчас ничего не вижу, что могла бы для вас сделать” (к Ломакину отказалась обратиться, мол, слишком маленькое дело, чтобы “обращаться к главе государства”). В общем, лед и отказ. А билета <в Москву> “так” не достанешь». ⁴²

Средством воздействия на Ломакина могло быть и обращение к его жене. Когда Ахматовой предложили жить в Академическом доме, с удобствами, но с высокой платой за комнату, она отказалась. 16 сентября 1942 года Чуковская записала: «Но надо, чтобы ей отсюда давали питание первого разряда. <...> я поговорю об этом – через Журавскую – с т-м Ломакиной, женой секретаря...»; 17 сентября: «Доставать <...> первую категорию не надо, так как ей дали “столовую партактива”». ⁴³

Друзья Ахматовой обращались к Ломакиной, когда болевшую тифом Ахматову нужно было перевести из больницы Ташми в стационар на улице Жуковской. ⁴⁴ Перевод состоялся 5 декабря 1942 года. Пуриц пишет в главе «Ахматова и Анна Ивановна»: «В Ташкенте Ахматова заболела тифом, ее нужно было поместить в больницу. Можно представить себе, что такое наша советская больница, да еще во время войны, да еще и при наличии под окнами больницы рынка, на котором ходячие больные меняли на еду больничные простыни, посуду и прочий больничный инвентарь. Больничный персонал, в свою очередь, крал у больных еду. Ухода не было, врачей было очень мало.

И Ахматова могла бы погибнуть, если бы не Анна Ивановна. Специальностью Анны Ивановны была русская литература, и она, конечно, знала, какое место в этой литературе занимает Ахматова. Она бросилась ее спасать. Она и ее муж (в данном случае у них оказалось достаточно власти) устроили так, что Ахматову поместили в какое-то привилегированное учреждение, где были и простыни, и уход, и хорошие врачи.

Анна Андреевна выздоровела <...> вышла в Ташкенте маленькая книжечка ее стихов, и она подарила ее Анне Ивановне с благодарственной надписью.

Анна Ивановна показала мне книжку и сказала, что ее муж тоже захотел такую книжечку с надписью от Ахматовой, но когда она рассказала об этом Ахматовой, та ответила: “Да разве я посмею”.

Я ужаснулась: неужели скромная и совсем неглупая Анна Ивановна не поняла и не поймет, что Ахматова, хорошо знавшая цену и себе, и всем правящим секретарям, съехидничала, посмеялась над ней и ее мужем.

Нет, Анна Ивановна не поняла, она еще раз с гордостью повторила: “Так и сказала: “Разве я посмею!”».⁴⁵

Браганцева Елена Михайловна (1907–1977) – московская журналистка. Во время войны эвакуировалась в Ташкент, хотя газета «Известия», в которой она работала, была эвакуирована в Куйбышев (Самару).⁴⁶ В Москву Браганцева вернулась, по-видимому, в апреле 1943 года.⁴⁷ Однако ее связь с Ташкентом не ограничивалась временем эвакуации. Известно, что в 1928 году в Ташкенте у нее родилась дочь.⁴⁸ А приведенная телеграмма говорит о том, что в конце 1945 – начале 1946 года Браганцева вновь какое-то время находилась в Ташкенте, возможно, в командировке. Газета «Правда Востока», на адрес которой послана телеграмма, – орган ЦК коммунистической партии Узбекистана.

Знакомство Браганцевой и Ахматовой произошло не позднее мая 1942 года: к этому времени относится первое упоминание Елены Михайловны в «Записках об Анне Ахматовой» Чуковской.⁴⁹ О необычном начале общения с Ахматовой Браганцева («пожилая женщина с орлиным носом и со следами былой красоты на гордом лице») в 1968 году рассказала поэту и ахматоведу Е. М. Ольшанской:

«Как мы познакомились? Перед этим я узнала, что в Киеве погиб мой муж. Стала пить – тогда многие пили. Однажды сижу в столовой, заказала два пива и два шашлыка. Входит Ахматова. Все: “Ш-ш-ш...” А мне хоть бы что. Ахматова так Ахматова... А она подошла и села за мой столик. Официантка спрашивает: “Что будем заказывать?” Анна Андреевна кивнула на меня: “То же, что и у нее”. Не приносили ей долго. Я протянула кружку с пивом: “Пейте!” Она взяла. Ко мне подошел Н., спросил: “Леночка, нет оттуда (с фронта то есть) известий?” И хоть спрашивали меня, Анна Андреевна ответила, думая о близком ей человеке, оставшемся в блокадном Ленинграде: “Нам уже не будет известий...”

Потом пригласила меня к себе в гости: “У меня есть табак, и я написала новые стихи, хочу вам их прочитать”. Вот мы и пошли. Она читала “Мне зрительницей быть не удавалось”. Удивительное

дело: казалось, душа моя совсем окаменела, но стихи мне понравились. Анна Андреевна, выслушав мое мнение, сказала, что я о них верно сужу.

Впервые за долгое время я не чувствовала себя ненужной. Анна Андреевна заметила мое состояние (она удивительно все подмечала) и предложила мне пожить у нее. Я согласилась, и это, может быть, спасло меня». ⁵⁰

О совместном проживании в комнате Ахматовой на ул. Карла Маркса Браганцева рассказала: «Жили мы дружно. Мне особенно нравилось в Анне Андреевне чувство такта и то, что она обладала удивительным чувством юмора. Ее ирония иногда была направлена на нее саму. Так, когда ко мне приходили гости, она тотчас уходила, говоря: “Старуха Ахматова идет погулять”. Она следила за военными сводками. Тосковала по Ленинграду, рассказывала о нем прекрасно. Выступала в госпиталях и на платных вечерах, сбор с которых шел в помощь детям-сиротам. Удивляло меня то, что стихи она писала даже под громкий говор радио, наверно, когда к ней приходили стихи, она от всего отключалась. Очень горевала, что сын ее был в лагерях, а потом с гордостью сообщала, что он добровольцем ушел на фронт»; «Доброты была чрезвычайной. Я получала на нее продукты, “золотой фонд”: там и сахар давали, и другие страшно дефицитные продукты. Только получу, а она спрашивает: “Вы не обидитесь, Леночка, если я немного раздам?” – “Пожалуйста”, – говорю. И она тут же выходит во двор и раздает всем»; «Сила воли у нее была потрясающая. И чувство справедливости тоже. Бумаги у нее не было, как и у Владимира Луговского, с которым я дружила, а я работала в “Известиях” и носила им оттуда голубую бумагу. Они писали на ней стихи и дарили мне». ⁵¹

Об участии Браганцевой в ташкентской жизни Ахматовой пунктирно упоминает Чуковская: «...Браганцева уже передала запрос о Владимире Георгиевиче – Инбер, и ответа нет...»; «...она была занята с Браганцевой подбором стихов для передачи по радио...» ⁵² и др.

Среди ахматовских материалов, переданных сыном Браганцевой ⁵³ в Московский Литературный музей, – автограф и авторизованная машинопись ранних версий «Поэмы без героя», ахматовские стихи и фотографии, два наброска портрета Ахматовой работы Александра Тышлера и две ее телеграммы, посланные из Ташкента

в Москву, в редакцию «Известий»: от 15 ноября 1943 года («ДОЛГО ТЯЖЕЛО БОЛЬНА ПОПРАВЛЯЮСЬ НАПИШУ НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ПРИВЕТ АХМАТОВА») и от 23 февраля 1944 года («СКОРО БУДУ МОСКВЕ ДОГОВОРИЮ⁵⁴ С ЖУРНАЛАМИ ПРИВЕТ АХМАТОВА»).⁵⁵ К альбому Браганцевой с автографом «Поэмы» приложен лист, на котором рукой ее сына написано: «Альбом с автографом Анны Андреевны Ахматовой принадлежал (был подарен автором) моей матери, которая была дружна с Анной Андреевной в Ташкенте во время войны и до последних дней жизни Ахматовой. Моя мать была специальным корреспондентом газеты “Известия”».⁵⁶

Очевидно, что общение Ахматовой с Браганцевой в поздние годы не было частым, поскольку оно не нашло отражения в наиболее развернутых источниках сведений о ней, в частности, в ахматовских «Записных книжках».⁵⁷

Мандельштам Надежда Яковлевна (1899–1980), в годы войны скитавшаяся по стране с тяжело больной матерью, по словам П. М. Нерлера, из Казахстана списалась с Ахматовой и своим братом Е. Я. Хазиным: «Те тут же начали хлопоты о переводе Н. М. и В. Я. Хaziной в Ташкент. <...> в начале июля они, вместе с приехавшим за ними Е. Я. Хазиным, переехали в Ташкент и временно остановились у него. А в начале сентября 1942 года Н. М. переехала с мамой на окраину Ташкента <...> она устроилась относительно неплохо: в 1942–1943 годах она работала – вместе с Л. К. Чуковской – в Центральном доме художественного воспитания детей, заведовала его литературным сектором и преподавала детям, на выбор, английский, немецкий и французский языки».⁵⁸

В конце апреля или начале мая 1943 года Ахматова переселилась с ул. Карла Маркса, 7, на ул. Жуковского, 54, в дом, где жили многие писатели. Жил там и Е. Я. Хазин с женой. Надежда Яковлевна с матерью переехала к нему, став соседкой Ахматовой, и даже на какое-то время, после отъезда Браганцевой, поселилась у нее.⁵⁹ 10 июня 1943 года она сообщила Б. С. Кузину: «Над нами живет Анна Андреевна. По утрам я швыряю ей камушки в окно, и она, проснувшись, идет ко мне завтракать. Хозяйство у нас почти общее, и мы живем хорошо».⁶⁰ В сентябре 1943 года мать Надежды Яковлевны умерла.

13 мая 1944 года Ахматова улетела из Ташкента в Москву, уехали и брат с женой. А Надежда Мандельштам, фактически ссыльная, до

начала 1949 года продолжала жить в Ташкенте. Экстерном сдавая экзамены в Среднеазиатском университете, получила диплом о высшем образовании, поступила в аспирантуру, преподавала в том же университете английский язык.⁶¹

Хотя знакомство и зарождение дружбы Надежды Яковлевны с Ахматовой относятся к 1923–1924 годам,⁶² их переписка, по-видимому, началась только после тесного ташкентского общения, в 1944 году.⁶³ Но с полной уверенностью утверждать это нельзя, т. к. она сохранилась не полностью. При этом причина ее прерывистости не столько в очевидной неполноте, сколько в том, что Ахматова не любила писать письма (называла эту нелюбовь «аграфией»), не доверяла почте из-за перлюстрации и, кроме того, далеко не все о себе хотела сообщать потомкам. «Телеграмма, казалось, была для нее более органичным эпистолярным “жанром”, – справедливо полагает П. М. Нерлер. – На десяток ее телеграмм к Н. Я., считая и коллективные, приходится всего четыре письма, каждое из которых по объему не сильно превышало телеграмму. А вот Н. Я., состоявшая в переписке сразу со множеством корреспондентов, письма писала помногу и щедро, – ее скитания по провинции просто не оставляли ей другого выбора. В переписке с А. А., охватившей два десятилетия – с 1944 по 1964 год, – письма Н. Я. явно преобладают».⁶⁴ Поэтому один из постоянных мотивов ахматовской корреспонденции, адресованной Надежде Яковлевне, – просьба простить за долгое молчание. Слова «умоляю не сердиться» в новогодней телеграмме от начала января 1946 года – это о том же. Ср. жалобу Надежды Яковлевны Кузину: «Трудно без А. А. Грустно. И – стерва – не пишет».⁶⁵

Отношения Анны Ахматовой и Надежды Мандельштам неоднократно описаны, в том числе – ими самими. В этих отношениях были свои подводные камни. Тем не менее, даря в конце жизни подруге сборник «Бег времени» (М., 1965), Ахматова написала: «Наде, то есть почти самой себе».⁶⁶

Ольшевская Нина Антоновна (1908–1991) – актриса, жена писателя-сатирика Виктора Ефимовича Ардова (наст. фам. Зигберман, 1900–1976), мать актера А. В. Баталова (1928–2017), писателя и священника М. В. Ардова (р. 1937), актера и мультипликатора Б. В. Ардова (1940–2004), близкая подруга Ахматовой.⁶⁷

Поздравительную телеграмму Ахматова вместе с Л. Н. Гумиле-

вым послала семье Ардовых еще 26 декабря 1945 года.⁶⁸ А телеграмма Ольшевской от начала января 1946 года, в сущности, посвящена не ей.

Семья Ардовых не была в годы войны в Ташкенте. В «ташкентский цикл» январская телеграмма попала потому, что в ней Ахматова спрашивает адрес **Рины Зеленой**, общение с которой началось и в основном происходило в Ташкенте. Возможно, Анна Андреевна получила от нее телеграфное поздравление и хотела ей ответить, а в телеграммах обратный адрес не указывается.

Ардовы были близко знакомы с Риной Зеленой, поскольку она и Виктор Ардов принадлежали к одному кругу – кругу блестящих шутников, тех, для кого юмор, сатира, ирония были натурой и профессией. Вот как Рина Зеленая писала о чувстве юмора в своей книге «Разрозненные страницы»: «У меня это чувство есть. И моя работа всю жизнь посвящена юмору. Часто и в жизни приходилось прибегать к нему, чтобы не заплакать. <...> Прельщало и удивляло тонкое понимание смешного, блеск неожиданных поворотов мысли. Это была атмосфера нашей жизни. Мы работали, дружили, ценили острое слово, смеялись друг над другом и зло и добродушно, не забывая высмеять себя в первую очередь, ну – во вторую. Чувство юмора было дано нам как зрение, слух, осязание. <...>

Так все годы нашей жизни мы, те, кого я упомянула, и многие-многие другие шли рядом. Мы – совсем разные, но были все интересны друг другу. И юмор у каждого был какой-то особый, свой. У Виктора Ардова всегда были готовы целые серии острот. Вы не успевали сказать ни слова, а на вас сыпался град ударов, как у отличного боксера: удар, удар, хук справа – и вы в нокауте. При этом В. Ардов изучал природу смешного, коллекционировал юмор, знал наизусть страницы Ф. Горбунова, Н. Тэффи, А. Аверченко и всегда мог рассказать что-то, чего не знал никто».⁶⁹

Рина (Екатерина Васильевна) Зеленая (1901–1991) – артистка театра, кино и эстрады, сценаристка, ее голосом говорят персонажи многих советских мультфильмов. Родилась и провела детство в Ташкенте, впоследствии жила в Одессе, потом в Москве. Во время Великой Отечественной войны выступала на фронте и в тылу, периодически бывала в Ташкенте: «Ташкент – город моего детства – стал тогда прибежищем для всех потерявших свой край и кров. Ехали отовсюду

матери с детьми на руках и дети без матерей целыми эшелонами. Для города это становилось угрожающим. Люди селились где могли и где не могли. Те, кто приехал раньше (их называли «эвакуированными») и были как-то устроены, старались приютить у себя хоть кого-нибудь и как-нибудь. Уже огромная площадь перед вокзалом стала громадным лагерем беженцев. Как горсовет справлялся с этим, трудно себе представить. В любую минуту могли вспыхнуть эпидемии. А люди все ехали и ехали. Хозяева города – узбеки, узбекские семьи – брали к себе в дом по несколько детей и растили их вместе со своими. А жизнь шла: люди работали, дети учились.

Наш театр, так и не попав в Москву, подписал договоры, и мы пересекали необъятные просторы Средней Азии, ведя кочевой образ жизни. Для этого нам выделили вагон, который возил нас вместе с декорациями, костюмами и реквизитом. Мы не были эвакуированными. Мы просто продолжали гастроли. С нами ехали многие семьи и дети нашего театра. Оставить их было негде и не с кем.

Ташкент все-таки стал нашей базой. Сюда мы возвращались после гастролей из Фрунзе, Мары, Алма-Аты, Чимкента, Сталинабада, Самарканда, Бухары. А Ташкент не так еще изменился, был для меня в чем-то узнаваем и по-прежнему своеобразно красив: цвели цветы, звенели арыки, а ночью сияли звезды и не затемненные здесь окна домов». ⁷⁰

Общение Ахматовой и Рины Зеленой началось вскоре после прибытия Анны Андреевны в Ташкент. 30 декабря 1941 года Чуковская записала, что Ахматова пригласила к себе Рину Зеленую с литератором, издателем А. Н. Тихоновым (Серебровым) слушать «Поэму без героя», а до того, по словам Чуковской, актриса «изливалась мне в любви к ней». ⁷¹ Ташкентский дневник Чуковской показывает, что Рина Зеленая бывала у Ахматовой нередко, обычно не одна, а с кем-нибудь. Запись от 12 мая 1942 года: к Ахматовой пришли «Раневская, Рина <...>. Раневская и Рина “представляли” встречу двух эвакуированных дам, а мы с АА плакали от смеха и обе валились в подушку». ⁷² Отзыв Ахматовой о Рине Зеленой: «Какая остроумная, умная женщина, прямо бесенок. Она мне очень нравится, но у нее есть один непоправимый недостаток: она страшно льстит мне». На возражение Чуковской: «Почему же льстит? <...> она, наверное, и в самом деле любит вас и ваши стихи», – Ахматова ответила: Послед-

нему я никогда не верю». ⁷³ А вот слова Рины Зеленой: «Было непередаваемым счастьем слушать В. Маяковского и А. Ахматову...»; «Случалось и так, что в Ташкенте, во время страшной войны, я вдруг могла войти в каморку на втором этаже, где жила Анна Андреевна Ахматова, и говорить с ней, и сидеть рядом. И в моем альбоме есть стихи, написанные ее рукой:

Но я предупреждаю вас
<...>». ⁷⁴

Рине Зеленой Ахматова подарила также один из своих карандашных портретов, сделанных в Ташкенте Александром Тышлером. ⁷⁵

Р. Д. Тименчик: 7 ноября 1965 года Рина Зеленая навестила Ахматову на квартире Ардовых «и, видимо, что-то вспомнила из ташкентского 1942 года как пример ахматовской самоиронии – качества, центрального как для поэтики ахматовских стихов, так и для поэтики ее поведения»; «В тот день был надписан “Бег времени”: “Рине Зеленой после всего – Ахматова 7 ноября 1965 Москва” (собрание Турчинского)»; ⁷⁶ «Спустя месяц, в больнице, записывая пункты для статьи М. В. Ардова о ней, после перечня зарубежных восхвалений Ахматова наметила фразу: “Мы, соотечественники Ахматовой, видим ее гораздо проще, <...> знаем ее *самоиронию* (Рина Зеленая)” ⁷⁷». ⁷⁸

Седьмая из хранившихся в архиве Рыбаковых ахматовских телеграмм не принадлежит к «ташкентской серии» и вообще стоит особняком. Она послана **Софье Казимировне Островской** (1902–1983). Это не автограф-черновик, а текст на телеграфном бланке:

ТЕЛЕГРАММА

= ЛЕНИНГРАД УЛИЦА РАДИЩЕВА
ДОМ 19 КВАРТИРА 43
ОСТРОВСКОЙ –

МСК / 6 79 МОСКВЫ 109 72 14 20 2103 =

=ПРИЕДУ ВТОРНИК ДИЗЕЛЕМ ВАГОН ЧЕТЫРЕ
= АХМАТОВА –

Телеграмма датируется по штемпелю на обороте: она была послана 20 июля 1953 года, в понедельник, в день отъезда Ахматовой из Москвы.⁷⁹

Едва ли Ахматова рассчитывала на то, что ее встретит немолодая и уже весьма нездоровая Островская.⁸⁰ Скорее всего, Островская в данном случае должна была выступить диспетчером – и выступила, передав телеграмму О. И. Рыбаковой. И. Н. Пунина не могла встретить Ахматову, т. к. находилась в это время с семьей в деревне Страшницы под Псковом, но о скором приезде Анны Андреевны знала. 16 июля 1953 года она сообщала Ахматовой: «...вчера получила письмо от <...> Анны Миновны, она специально спит в столовой, ждет, что ты позвонишь, но видимо, твои планы изменились и ты еще не едешь».⁸¹ Анна Миновна Григорьева (ум. в 1963) помогала семье Пуниных и Ахматовой по хозяйству. Поскольку телеграмма была послана не ей и не ей передана, естественно предположить, что встречала Ахматову не она, а Ольга Иосифовна. Ж. Б. Рыбакова не помнит такого факта, однако в это время ей было всего 12 лет, так что, по ее словам, она «могла это и пропустить», «но вообще мама вечно все организовывала, могла не сама встречать, а кого-то попросить».

За несколькими сухими словами телеграммы стоит давняя и на редкость неоднозначная история отношений, на сегодняшний день известная во многих подробностях.

Островская, по происхождению дворянка, знала несколько языков, занималась научным, техническим и синхронным переводом, подрабатывала тем, что печатала на машинке. Познакомилась с Ахматовой 19 июня 1944 года в ленинградском Доме писателей, где Анна Андреевна участвовала в «устном альманахе».⁸² Островская описала в дневнике эту встречу: «Я давно не знала такого трепета и боли, как в тот вечер. <...> я вдруг решила, что подойду к Ахматовой и что-то ей скажу. Мне казалось необходимым *поздороваться* с нею, приветствовать ее в моем городе, сказать ей, что *выжили* здесь те, кто ее любит, что не все умерло, что стены сохраняют память.

Сойдя с эстрады, она в какой-то миг осталась одна, черная, высокая, царственная женщина, за которой волочилась незримая мантия славы, горя, больших утрат, больших обид. Я подошла к ней, сказала:

– Мы не знакомы с вами, но я решила поблагодарить вас за то,

что вы вернулись, за то, что вы существуете, пишете, живете.

Она улыбнулась и протянула руку.

– Ну, так будем знакомы, – ответила она.⁸³

Их общение быстро стало очень тесным. 26 декабря 1944 года Островская записала: «Я не знаю, как она ко мне относится, что она обо мне думает, почему она зовет меня к себе и приходит ко мне. Я ничего не знаю. Во мне встревоженная влюбленность с этой женщиной, беспокойство, ожидание, горечь, неуверенность, благодарность <...> И одновременно во мне четкая и осторожная наблюдательность мемуариста, игра на словах, на неведении, на вызове на слова и на воспоминания. Думаю, что Ахматова это чувствует, не отдавая себе, однако, полного отчета, – чувствует и первое, и второе».⁸⁴ 15 сентября 1945 года: «Одинокая она. Очень. И настороженная. Вот почему у нее бывает временами такой взгляд: быстрый, скошенный, недружелюбный. Это – от недоверия, от страха уколоться еще раз».⁸⁵ Возможно, под «наблюдательностью мемуариста» и «игрой на неведении» Островская зашифровала то, о чем ни разу не проговорила в дневнике прямо: свою роль осведомительницы. Неясно, изначально ли она выполняла эту роль при поэте или с момента, когда – 15 ноября 1945 года – Ахматову впервые посетил философ и филолог, на тот момент первый секретарь Британского посольства Исайя Берлин,⁸⁶ но известно, что новичком в этом деле Островская не была. Ее восхищение Ахматовой постепенно сменилось завистью и разочарованием, сопровождавшимся желанием отомстить за свое многолетнее читательское обожание. Заодно она мстила миру за свою несостоявшуюся женскую и литературную судьбу (ее художественные переводы и собственные стихи не печатали). Дневник и доносы⁸⁷ давали такую возможность. Дневник, июль–август 1946 года: «В ней, конечно, двуполость андрогина. Дерзка, себялюбива, игра в добрую королеву, развращена, перестала жить собственной жизнью, ибо живет только биографически, с учетом жеста и слова “на будущее”».

Странная слава. Всегда думаю о странности этой славы в наши дни. <...> И фимиам, и миро, и ладан, и обожествления – и все плывет в каком-то тумане («туманце»), от которого действительно пахнет великолепной усыпальницей».⁸⁸

«О второй ее профессии, – пишет об Островской Р. Д. Тименчик, – Ахматова догадалась,⁸⁹ но продолжала встречаться, следуя

своему правилу: “Анна Андреевна говаривала, что зачастую имеет смысл иметь дело с явными негодьями, профессиональными доносчиками, в частности. Особенно, если тебе нужно сообщить что-нибудь “наверх”, властям. Ибо профессиональный доносчик донесет все ему сообщенное в точности, ничего не исказит – на что нельзя рассчитывать в случае с человеком просто пугливым или неврастеником”⁹⁰»,⁹¹

Однако на протяжении 1940-х годов, включая время после ждановского постановления, общение было слишком интенсивным, чтобы для него хватало этого рационального объяснения. Впоследствии Островская говорила, не без преувеличения, М. М. Кралину: «Как поссорится с Иркой (Ириной Пуниной. – М. К.), так и перебирается ко мне, бывало, на неделю, а бывало, и на месяц».⁹² Ахматова дарила Софье Казимировне свои рукописи и книги с инскриптами, привлекла ее к своей работе – переводу писем А. Н. Радищева с французского языка.⁹³ Она не произносила при Островской политически неосторожных слов, но в личном плане осторожности не проявляла, чем давала повод для компрометирующих дневниковых записей и донесений, одинаково рассчитанных мстительным автором на будущего читателя.

Видимо, подозрения Ахматовой окончательно окрепли к 1950-м годам, да и взаимный интерес Ахматовой и Островской уменьшился, потому что с этого времени их общение становится эпизодическим. В 1956 или 1957 году Ахматова спросила литературоведа Т. Ю. Хмельницкую, вспомнив 1944 год: «А вы знаете, что хозяйка дома, в котором мы познакомились, посадила целый куст людей?»⁹⁴ Но кого именно посадила Островская, неизвестно, как неизвестно, велико ли ее участие в том, что Ахматова была подвергнута гражданской казни в постановлении ЦК ВКП(б) 1946 года.

Как бы то ни было, они, пусть изредка, но встречались до конца жизни Ахматовой, Островская порой писала Анне Андреевне письма, Ахматова посылала ей телеграммы.⁹⁵

В эти и последующие годы Островская виделась окружающим весьма по-разному. В «ахматовском кругу», по свидетельству М. Б. Мейлаха, ее считали «“помойной ямой Ахматовой” (видимо, Софья Казимировна слишком любила сплетни)».⁹⁶ А кому-то, в том числе молодым, она казалась воплощенной интеллигентностью и

благородством. М. В. Бокариус «боготворила» ее: «благообразно красивая, утонченная, христианка, сама доброта, отношение к брату удивительное», «я была потрясена, узнав из публикации Кралина и последующих, что Островская доносчица».⁹⁷

М. М. Кралин: «О. И. Рыбакова была в давних дружеских отношениях с Софьей Казимировной. <...> Ольга Иосифовна всячески подчеркивала разностороннюю образованность Островской и ее былую близость к Ахматовой».⁹⁸ По словам М. В. Бокариус, О. И. Рыбакова опекала Островскую в старости: приносила ей продукты, водила к врачам, всячески помогала до последних ее дней. На вопрос, знали ли в семье, что Островская – осведомительница, Ж. Б. Рыбакова ответила: «Это никому и в голову не приходило. Мама была знакома с ней, вероятно, с довоенных лет, я помню ее с послевоенного времени. Островская неплохо относилась к маме и очень хорошо – ко мне. Она любила молодых. Мы, тогда молодые, кроме хорошего, ничего о ней сказать не можем. Но она видела, кто чего стоил. И, я думаю, хорошо, что приставлена была она – умный, образованный человек. И ничего плохого она, похоже, никому не сделала». На вопрос, могла ли Островская доносить и на Рыбаковых, Жозефина Борисовна ответила: «По каким-то косвенным признакам это можно предположить, но ничего плохого про нашу семью она сказать не могла».

¹ Сердечно благодарю Жозефину Борисовну Рыбакову за предоставленные материалы и консультации. Благодарю Романа Давыдовича Тименчика за прочтение статьи в рукописи.

² РГАЛИ, ф. 13 (фонд А. А. Ахматовой), оп. 1, ед. хр. 118–122, 124–125.

³ Имеется в виду Софья Казимировна Островская. О ней см. далее.

⁴ Подруга Ж. Б. Рыбаковой – Татьяна Викторовна Зеленко, тогда студентка. Свидетельство Ж. Б. Рыбаковой: «Анна Андреевна подарила и надписала ей книжку, но эту книжку забрал Танин знакомый – и она канула».

⁵ Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой 1889–1966. М., 2016. С. 474.

⁶ Книга не вышла. После ждановского постановления готовый тираж пошел под нож, как и тираж сборника «Избранные стихи. 1909–1946». Подробнее об этом см., напр.: Рубинчик О. Е. Анна Ахматова и советская цензура. В 2 ч. // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сб. науч. трудов / Сост. и науч. ред. Е. М. Табориской. СПб., 2005. Ч. 2. С. 184–186.

⁷ О Козловском и его дружбе с Ахматовой: Кац Б. А., Тименчик Р. Д. Анна Ахматова и музыка: Исследовательские очерки. Л., 1989. С. 68–69, 287. А также: Тименчик Р. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Venok: Studia Stefano Garzonio sexagenario oblata. In Honor of Stefano Garzonio / Ed. G. Capri, L. Fleishman, B. Sulpasso. Vol. 2. Iss. 41. Stanford, 2012. (Berkeley Slavic Specialties). P. 332–335.

⁸ Козловская Г. Л. Шахерезада. Тысяча и одно воспоминание / Сост. Т. Кузнецова, Н. Чудова; предисл. Н. Громовой. М., 2015. До этого воспоминания Козловской об Ахматовой не раз публиковались с разной степенью полноты. Наиболее известная публ.: Козловская Г. Л. «Ман-

галочий дворик...» // Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В. Я. Виленкин, В. А. Черных; коммент. А. В. Курт и К. М. Поливанова. М., 1991. Начиная с конца 1980-х воспоминания Козловской об Ахматовой не раз записывали на киноленту для передач и документальных фильмов (см. об этом: *Козловская Г. Л.* Шахерзада).

⁹ См. Там же. С. 551–552 и мн. др.

¹⁰ Из письма Козловской Е. Б. Пастернаку и Е. В. Пастернак, 24 января 1980 (Там же. С. 378–379).

¹¹ Даты знакомства – по публ.: Алексей Федорович и Галина Лонгиновна Козловские. Беседа с В. Д. Дувакиным. В беседе принимает участие Людмила Григорьевна Чудова-Дельсон // Анна Ахматова в записях Дувакина / Вступ. статья, сост. и коммент. О. С. Фигурной; подгот. текстов В. Ф. Тейдер, В. Б. Кузнецовой, М. В. Радзишевской. М., 1999. С. 200–202.

¹² *Козловская Г. Л.* Шахерзада. С. 103, 105.

¹³ О стихах, обращенных к Козловским, см.: Там же. С. 108–109, 114–116, 222–223.

¹⁴ Опул.: *Тименчик Р.* Из Именного указателя. С. 334.

¹⁵ *Козловская Г. Л.* Шахерзада. С. 115.

¹⁶ Там же. С. 117–119.

¹⁷ Там же. С. 110–111, 113. К этому можно добавить: «У них общие интересы – музыка, поэзия, воспоминания, самое дорогое из которых – Киев. Алексей Федорович в этом городе родился» (*Курносенков К.* «Час мужества пробил...» // *Звезда Востока.* 1989. № 6. С. 169).

¹⁸ Нотографию см. в изд.: *Кац Б. А., Тименчик Р. Д.* Анна Ахматова и музыка. С. 310–330.

¹⁹ *Козловская Г. Л.* Шахерзада. С. 109–110.

²⁰ Об этом: Там же. С. 155.

²¹ Инскрипт приведен: Там же. С. 153.

²² Перечень ахматовских материалов, хранившихся у Козловских см.: *Козловская Г. Л.* Шахерзада. С. 443–444, текст письма от 15 октября 1965 – С. 154. За возможность ознакомиться с некоторыми из неопубликованных материалов моя глубокая признательность Н. Г. Чудовой, за справки благодарю Т. С. Позднякову и Н. А. Грому.

²³ Там же. С. 115–116.

²⁴ Сайт «ЦентрАзия» [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/person2.php?st=1114181223> и др. источники.

²⁵ И Бог ночует между строк. Вячеслав Всеволодович Иванов в фильме Елены Якович. М., 2019. С. 96.

²⁶ *Курносенков К.* «Час мужества пробил...». С. 170.

²⁷ *Сомова С.* «Мне дали имя – Анна». Анна Ахматова в Ташкенте // Москва. 1984. № 3. С. 192.

²⁸ Цит. по: *Черных В. А.* Указ. соч. С. 436.

²⁹ *Мандельштам Н.* Об Ахматовой / Сост. и вступ. статья П. Нерлера; подгот. текста П. Нерлера и С. Василенко при участии Н. Крайневой; коммент. П. Нерлера при участии Н. Крайневой. М., 2007. С. 430–431. Об учебе Н. Я. Мандельштам в Ташкенте, в Среднеазиатском университете, и о работе там же см.: *Нерлер П.* Свидетельница поэзии: Очерк жизни и творчества Надежды Яковлевны Мандельштам // Мандельштам Н. Собр. соч. В 2 т. / Подгот. С. В. Василенко, П. М. Нерлера, Ю. Л. Фрейдина. Т. 1. Екатеринбург, 2014. С. 26.

³⁰ Об одной из просьб говорят, например, строки из письма Ахматовой к И. Н. Пуниной, после блокадной зимы оказавшейся с родителями и маленькой дочкой в Самарканде: «5 авг. 43. / Дорогая Ирочка, / твою открытку с меркой ножки Анички я получила. Вероятно, завтра передам ее Софии Аркадьевне Журавской (которую Н. Н. <Пунин> видел у меня) и с первой же оказией пошлю тебе все, что дадут для девочки» (Из семейной переписки А. А. Ахматовой / Публ., вступ. заметка и примеч. Л. А. Зыкова // *Звезда.* 1996. № 6. С. 133).

³¹ Анна Ивановна – Ломакина, о ней далее.

³² Цит по: *Курносенков К.* «Час мужества пробил...». С. 171. В публикации Курносенкова воспроизведен также текст записки и телеграммы Ахматовой к Журавской.

- ³³ *Мандельштам Н.* Об Ахматовой. С. 235.
- ³⁴ *Маркевич А.* Клуб-музей «Мангалочий дворик Анны Ахматовой»: История от рождения и доныне // Блог Альбины Маркевич. [Электронный ресурс. URL:] http://albina-markevich.blogspot.com/2015/03/blog-post_3.html См. также: *Данилов С.* «Мангалочий дворик» Ахматовой // Независимая газета. 2000. 23 июня. Сайт газеты. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/culture/2000-06-23/7_ahmatova.html
- ³⁵ Сайт «ЦентрАзия» [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/person2.php?st=1114181223>
- ³⁶ *Пуриц Е.* Воспоминания // Семь искусств. 2017. № 10 (91). [Электронный ресурс]. URL: <http://7i.7iskusstv.com/2017-nomer10-puriz/> О ташкентском знакомстве специалиста по немецкой литературе и немецкому языку Елены Феликсовны Пуриц (1910–1997) с Ахматовой: *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. В 3 т. / Подгот. Е. Ц. Чуковской, Ж. О. Хавкиной, Е. Б. Ефимова. М., 1997. Т. 1. С. 482–483.
- ³⁷ Там же. С. 481.
- ³⁸ *Волынец А. Н.* Жданов. М., 2013. С. 139.
- ³⁹ *Чуковская Л. К.* Указ. соч. С. 446–448.
- ⁴⁰ Там же. С. 451, 454.
- ⁴¹ *Сухомлинова А.* Анна Андреевна Ахматова // Сухомлинова А. Дорогие сердцу имена / Предисл. Н. Крайневой, заключит. ст. М. В. Бокариус. СПб., 2011. С. 9.
- ⁴² *Эфрон Г. С.* Дневники. В 2 т. Т. 2. / Подг. Е. Б. Коркиной, В. К. Лосской. М., 2004. С. 292.
- ⁴³ *Чуковская Л. К.* Указ. соч. С. 481–482.
- ⁴⁴ Там же. С. 510–513, 515. См. также: *Черных В. А.* Указ. соч. С. 426–427.
- ⁴⁵ *Пуриц Е.* Воспоминания.
- ⁴⁶ Статья «Известия» в энциклопедии «Всемирная история». Сайт энциклопедии. [Электронный ресурс]. URL: <https://w.histrf.ru/articles/article/show/izvestiia>
- ⁴⁷ *Черных В. А.* Указ. соч. С. 432.
- ⁴⁸ Дочь Браганцевой – пианистка и педагог Ия Сергеевна Царевич (1928–2010).
- ⁴⁹ *Чуковская Л. К.* Указ. соч. С. 444.
- ⁵⁰ *Ольшанская Е. М.* Пристало ей простое имя – Анна // Ольшанская Е. М. Поэзии родные имена. Киев, 1995. Гл. «По следам “Ташкентского альбома”». Цит. по электронной версии: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/vospominaniya/olshanskaya-pristalo-ej-prostoe-imya-anna.htm>
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² *Чуковская Л. К.* Указ. соч. С. 446, 467.
- ⁵³ Браганцев Борис Михайлович – возможно, театральный и цирковой режиссер и педагог.
- ⁵⁴ Так! Возможно, в телеграмме опечатка: «договорю» вместо «договоры» или «договоруюсь».
- ⁵⁵ Ряд ахматовских материалов из архива Браганцевой, включая указанные телеграммы, воспроизведен в изд.: Анна Ахматова. Материалы из собрания Гос. лит. музея: Альбом-каталог / Авт.-сост. О. Л. Залиева. М., 2016. Телеграммы – на с. 181 альбома-каталога, а также в изд.: *Ахматова А. А.* Собр. соч. В 6 т. Т. 3 / Сост., подгот. текста, коммент., статья С. А. Коваленко. М., 1998. С. 567. Благодарю Ольгу Львовну Залиеву за ответ на мои вопросы.
- ⁵⁶ Анна Ахматова. Материалы из собрания Гос. лит. музея. С. 167.
- ⁵⁷ Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой; вступ. статья Э. Г. Герштейн; науч. консульт., введ. заметки, указатели В. А. Черных. М; Torino, 1996.
- ⁵⁸ *Нерлер П.* Очерк жизни и творчества Надежды Яковлевны Мандельштам. С. 25–26.
- ⁵⁹ *Черных В. А.* Указ. соч. С. 432–434.
- ⁶⁰ *Кузин Б. С.* Воспоминания. Произведения. Переписка; *Мандельштам Н. Я.* 192 письма к Б. С. Кузину / Предисл., подгот. текстов, примеч. и коммент. Н. И. Крайневой и Е. А. Пере-

жогиной; предисл. к разделу «Переписка» и заметки к биогр. Б. С. Кузина, М. А. Давыдова. СПб., 1999. С. 710.

⁶¹ *Нерлер П.* Очерк жизни и творчества Надежды Яковлевны Мандельштам. С. 26.

⁶² О. А. Лекманов относит знакомство Надежды Яковлевны с Ахматовой к концу мая 1923. (*Лекманов О.* Жизнь Осипа Мандельштама. Документальное повествование. СПб., 2003. С. 107), В. А. Черных – предположительно к ноябрю 1923-го (*Черных В. А.* Указ. соч. С. 218); А. Г. Мец – к лету 1924, ориентируясь на ахматовские «Листки из дневника»: «Летом 1924 года О. М. привел ко мне (Фонтанка, 2) свою молодую жену» (*Мандельштам О. Э.* Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. Доп. том: Летопись жизни и творчества / Сост. А. Г. Мец при участии С. В. Василенко и др. М., 2014. С. 265); П. М. Нерлер дает два варианта: лето 1924, Фонтанка, 2 (*Мандельштам Н.* Об Ахматовой. С. 24) и 1924, Царское Село (*Нерлер П.* Очерк жизни и творчества Надежды Яковлевны Мандельштам. С. 20).

⁶³ См.: «В этой жизни меня удержала только вера в вас и в Осю...». Письма Н. Я. Мандельштам А. А. Ахматовой / Публ., вступ. заметка, подгот. текстов и коммент. Н. И. Крайневой // Литературное обозрение. 1991. № 1. С. 97–105. Письма Ахматовой к Мандельштам: *Ахматова А.* Соч. В 3 т. Т. 3 / Общ. ред. Г. П. Струве, Н. А. Струве, Б. А. Филиппова. Paris, 1983. С. 339–341; *Ахматова А. А.* Соч. В 2 т. Т. 2. С. 226–228; Ануш (Переписка с А. А. Ахматовой) / *Мандельштам Н.* Об Ахматовой. С. 215–253. В публикации писем Ахматовой телеграмма от начала января 1946 не вошла.

⁶⁴ *Мандельштам Н.* Об Ахматовой. С. 25.

⁶⁵ Из письма от 28 мая 1944 (*Кузин Б. С.* Воспоминания. Произведения. Переписка; *Мандельштам Н. Я.* 192 письмо к Б. С. Кузину. С. 731).

⁶⁶ Цит. по: *Мандельштам Н.* Вторая книга. М., 1999. С. 697.

⁶⁷ См.: письма Ахматовой к Ольшевской (*Ахматова А. А.* Соч. В 2 т. / Сост. и подгот. М. М. Кралина. Т. 2. М., 1996. С. 221–226); *Герштейн Э. Г.* Беседы с Н. А. Ольшевской-Ардовой // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 258–276; *Ардов М., Ардов Б., Баталов А.* Легендарная Ордынка. Сб. воспоминаний. СПб., 1995 и др.

⁶⁸ Сведения даны: *Черных В. А.* Указ. соч. С. 474.

⁶⁹ *Зеленая Р.* Разрозненные страницы. М., 1987. Цит. по интернет-версии: [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/books?id=KF0mDAAAQBAJ&pg=PT98&lpg=PT98&dq#v=onepage&q&f=false>

⁷⁰ Там же.

⁷¹ *Чуковская Л. К.* Указ. соч. С. 362–363.

⁷² Там же. С. 444–445.

⁷³ Там же. С. 405. Запись от 28 февраля 1942.

⁷⁴ *Зеленая Р.* Разрозненные страницы. Ср.: 7 марта 1942 Рине Зеленой «в альбом вписано стихотворение “Но я предупреждаю вас...” с разочтением противу окончательного: “Ни гиацинтом, ни звездой...”» (*Тименчик Р.* Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы. В 2 т. Т. 2. М., Иерусалим; 2015. С. 602).

⁷⁵ Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 702.

⁷⁶ *Тименчик Р.* Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы. Т. 1. С. 476–477; Т. 2. С. 602.

⁷⁷ Записные книжки Анны Ахматовой. С. 695.

⁷⁸ *Тименчик Р.* Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы. Т. 2. С. 602.

⁷⁹ РГАЛИ, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 125. Фрагмент телеграммы цит. в: *Черных В. А.* Указ. соч. С. 556.

⁸⁰ 19 декабря 1950 Островская записала в дневнике: «Приближается гибель, материальная гибель – но разве это что-нибудь значит?! / Погибала я не раз – и от холода, и от голода, – погибала я многократно. Но какая живучесть!.. / Работает только правый глаз. Наплевать! / Сердце работает плохо! Наплевать! / Легкие работают плохо. Наплевать! / Память сдает. Наплевать. / Но мозг и сердце работают хорошо» (*Островская С. К.* Дневник / Вступ. статья

Т. С. Поздняковой; послесл. П. Ю. Барсковой; подгот. текста и коммент. П. Ю. Барсковой и Т. С. Поздняковой. М., 2013. С. 599).

⁸¹ Из семейной переписки А. А. Ахматовой. С. 139.

⁸² Черных В. А. Указ. соч. С. 453.

⁸³ Островская С. К. Дневник. С. 519–520. Запись от 28 сентября 1944.

⁸⁴ Там же. С. 534–535.

⁸⁵ Там же. С. 569.

⁸⁶ Ср.: «...дело возобновляется в Ленинграде, в 1945 году (она вернулась в город в 1944-м). Но на этот раз – по совершенно абсурдному подозрению: Ахматова – английский шпион» (Калугин О. Дело КГБ на Анну Ахматову // Госбезопасность и литература на опыте России и Германии (СССР и ГДР). М., 1994. С. 75).

⁸⁷ Фрагменты доносов отличавшейся «особой активностью» польки-переводчицы см. в публ.: Калугин О. Дело КГБ на Анну Ахматову. К сожалению, само ахматовское «дело» исследователям недоступно, оно считается уничтоженным. Познакомиться с ним можно лишь по указанному краткому докладу бывшего генерал-майора КГБ О. Д. Калугина.

⁸⁸ Островская С. К. Дневник. С. 573.

⁸⁹ Об этом: Тименчик Р. Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы. Т. 2. С. 265.

⁹⁰ Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 1998. С. 251.

⁹¹ Тименчик Р. Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы. Т. 1. С. 173.

⁹² Кралин М. М. Софья Казимировна Островская – друг или оборотень? // Кралин М. М. Победившее смерть слово: Статьи об А. Ахматовой и воспоминания о ее современниках. Томск, 2000. С. 231.

⁹³ Запись Островской от 1 марта 1950: «В прошлом году – февраль: перевод писем Радищева с Анной Андреевной» (Островская С. К. Дневник. С. 597). Ахматова работала над переводом для изд.: Радищев А. Н. Избр. соч. / Под ред. Г. П. Макогоненко. М.; Л., 1949. Письма были опубл. без указания имени переводчика.

⁹⁴ Любегин А. Пальма Северной Пальмиры // Нева. 1997. № 8. С. 200.

⁹⁵ См. письмо Островской к Ахматовой от 6 декабря 1960 в изд.: Об Анне Ахматовой: стихи, эссе, воспоминания, письма / Сост. М. М. Кралин. Л., 1990. С. 544–545. См. также телеграмму Ахматовой к Островской и Е. М. Берковской от 25 числа (месяц в штампе нрзб.) 1955: благодарность за поздравление (РО РНБ, ф. 1448 (фонд С. К. Островской и С. Н. Драницына), ед. хр. 84, л. 2. Под тем же номером (л. 1) хранится письмо, ошибочно атрибутированное в архиве как письмо Ахматовой к Островской, написанное, по-видимому, А. М. Оранжиревой.

⁹⁶ Ахматова: дневник сексота. Глеб Морев и Михаил Мейлах // Colta.ru [Электронный ресурс]. URL: https://www.nlobooks.ru/books/rossiya_v_memuarakh/19742/review/9472/

⁹⁷ Из устной беседы с М. В. Бокарнус.

⁹⁸ Кралин М. М. Софья Казимировна Островская – друг или оборотень? С. 230.